

Участие татар в 1410 году в прусской кампании объединенных войск Польши и Великого княжества Литовского в западноевропейском летописании XV столетия

«Великую войну» 1409–1411 годов, которую Польское королевство и Великое княжество Литовское вели против Тевтонского ордена, многие исследователи относят к ключевым событиям в истории Восточной Европы. В летней кампании 1410 года и генеральном сражении войны – Грюнвальдской битве в рядах армии великого князя литовского сражались татарские воины хана Джелал-ад-Дина. Несмотря на то, что в целом «Великая война» достаточно подробно разработана исторической наукой, роль, которую сыграли татары в указанных событиях, исследована достаточно фрагментарно¹.

В восточных источниках известия о данных событиях отсутствуют, в то время как в западноевропейском летописании приводятся иногда достаточно обширные свидетельства о войне в целом и участии в ней татар в частности. Однако реляции западноевропейских хроник о татарах являются малоизвестными в российской и белорусской историографии. В связи с этим, как заметил А.В.Мартынюк в своей статье, посвященной актуальным проблемам истории Золотой Орды, без введения в научный оборот новых исторических источников исследования по истории золотоордынской цивилизации обречены на стагнацию². Исходя из вышесказанного не вызывает сомнения актуальность проведения обзора сведений западноевропейских летописей об участии татар в походе 1410 года в Пруссию и перевода наиболее интересных из них на русский язык, чему и посвящена данная статья.

Факт участия татарских отрядов в 1410 году в походе объединенных армий Польского королевства и Великого княжества Литовского в Пруссию изначально негативно воспринимался руководством Тевтонского ордена. По-видимому, данное обстоятельство уже с самого начала кампании широко использовалось великим магистром и политической элитой орденового государства в качестве средства пропаганды, целью которой являлось нагнетание среди местного населения враждебных настроений в отношении Польши и Литовского княжества.

Так, уже после поражения Тевтонского ордена в Грюнвальдском сражении 15 июля 1410 года, когда прусские города вынуждены были сдаваться союзным войскам, признавая над собой власть короля Польши, горожане Эльблонга в письме к Генриху фон Плауэну особо отмечали, что «оказывают почтение» не «язычнику» великому князю литовскому Витовту, но «христианскому королю» Владиславу II Ягайло³. Сам Генрих фон Плауэн, который занял место погибшего в битве под Грюнвальдом великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнгингена, вынужден был отдавать предписания, согласно которым запрещал сдаваться «язычникам».

По этой причине в сообщениях о «Великой войне» 1409–1411 годов, оставленных орденоскими хронистами современниками описываемых событий, участие в военных действиях татар не только всячески подчеркивается, но и представляется в исключительно негативном свете.

Ярким примером тому служат описания штурма и взятия замка Домбровно (нем. Гильгенбург) войсками союзников 13 июля 1410 года, которые содержатся в двух хрониках Тевтонского ордена, являющихся, на настоящий момент, основными прусскими источниками первой половины XV века для изучения событий «Великой войны». Речь идет об анонимных «Торуньских анналах» и продолжении «Хроники Земли Прусской Яна фон Поссильге».

У летописца из Торуня говорится, что «перед праздником святой Маргариты⁴ татары город Гильгенбург атаковали и полностью разрушили, женщин и девушек насиловали, вырезали все

¹ Гагуа Р.Б. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии // Беларуская думка. – 2010. – № 8. – С. 58–67.

² Мартынюк А.В. Актуальные проблемы изучения истории Золотой Орды // Российские и славянские исследования. Вып. 2. – Минск, 2007. – С. 148.

³ Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 1. – Leipzig, 1878. – S. 140.

⁴ 13 июля 1410 года.

население, облатки для евхаристии и распятия на землю бросали и ногами топтали»⁵. Более того, далее именно данный случай в «Торунских анналах» указывается как непосредственная причина, толкнувшая великого магистра Ульриха фон Юнгингена инициировать полевое сражение с численно превосходящими силами противника: «Услышав это, господин магистр, объятый сильной ненавистью, в ночь рассеяния Апостолов⁶ выступил против господина короля и прошел со своей армией за эту ночь четыре мили»⁷.

Присутствие в армиях Владислава II Ягайло и Витовта татар подчеркнул и второй орденский хронист – продолжатель хроники помезанского официала Яна фон Поссильге. В его повествовании содержатся следующие известия о вторжении союзников в Пруссию: «Также король Польши пожелал собраться вместе с нехристианами и Витовтом: все на помощь [ему] пришли в Мазовию. Объединившись с князем, и поляками и валахами, собралась такая большая армия, что и не высказать, и вторглись от Плоцка в земли Пруссии»⁸. Естественно, под «нехристианами» подразумевались именно татары, тогда как в отношении тех же жемайтов употреблялся термин «язычники» (например «dy heudin»).

В то же время следует заметить, что продолжатель Поссильге, в отличие от автора «Торунских анналов», возложил вину за резню в Домбровно не на татар, а вообще на Владислава II Ягайло и всю его армию: «И выступил магистр со своей армией, гостями и наемниками против короля и всех к границе к Дрвенце у Кужетника, и стали две армии одна против другой, однако король Польши не стал переправляться через Дрвенцу и выступил против Гильгенбурга (Домбровно) и захватил город, и сжег его, и перебили молодых и старых и учинили большую резню с язычниками, что были погубелью и для церквей, и для девушек, и для жещин: швыряли их, оголяли груди, безжалостно мучили и к себе в рабство угоняли. Также устроили язычники большое осквернение святынь: где бы ни заходили они в церкви – везде предавали их поруганию, грабя и бросая святыни под ноги»⁹.

Подтверждение того, что Домбровно было разграблено всей армией союзников, находим у польского хрониста Яна Длугоша, который писал, что «добычей упомянутого города обогатилось почти все королевское войско», при этом замечая, что многие местные жители «сверх того, подверглись резне, и никто не избежал гибели или плена, кроме тех, которые в челнах и лодках бежали по озеру; тут не оказывали никакого уважения к возрасту, никакой жалости к нему, ибо поляки здесь не столько следовали правилу войны, сколько, горюя о Добжинской земле, выжженной врагами, изливали свою ненависть к крестоносцам»¹⁰.

Правда, другой польский источник – анонимная «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, в год Христов 1410», указывает, что король «под вечер приказал захватить город не

⁵ «...appropinquante festo s. Margarete Tartari civitatem Gilgonborg invaserunt et totaliter destruxerunt, mulieres et virgines violantes et interficientes totum populum, sacramentum eucharistie et imagines crucifixi ad terram projiciendo et pedibus eorum conculcante». Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 314–316.

⁶ Ночь с 14 на 15 июля 1410 года.

⁷ «Hoc audiens dominus magister nimio zelo motus in nocte divisionis apostolorum ivit cum exercitu suo ea nocte quattuor miliaria contra dominum regem». Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 314–316.

⁸ «Also sich der koning von Polan wol besamelt hatte mit den uncristin und mit Wytold: dy im alle czu hulffe czogin qwomen durch, dy Masow, mit den herczogin und Polan und Walachin mit so eyne grossin here, das is iinsprechlichin ist, und czogin von Ploczk gegen den landen von Pruszyn». Johanns's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 314.

⁹ «Und do czoch der meister mit synir macht unde den gestin und soldenern dem konige enkegen an dy grenilczen by der Drewantz, by Kurnik und alumme; und logen dy czwey here den andern enkegen, also das der konig von Polan nicht torste obir dy Drewantz, und czoch kegen Uginburg und gewan dy stad obirhoupt, und vorbrante sy; und slugin tot jung und alt, und begingen so grosin mort mit den heyden, das das unsegelich ist, und an kirchiu und an juncfrowen und frouwin, dy sy smethin und yn ere bröste abesnelin undjemerlichin pynegeten und czu eyginschaft weg lyssin trybin. Ouch begingen dy heydin grose smoheyt an dem sacramento; wo sy qwomen in dy kirchin, so czurebin sy in den henden unde worffin is undir dy fusze, und hattin dorus erin spot». Johanns's von Posilge officials von Pomesanien Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 315–316.

¹⁰ Длугош Ян. Грюнвальдская битва. – М.; Л., 1962. – С. 84.

своему рыцарству, а горожанам»¹¹. Однако данная реляция польского источника звучит малоубедительно¹².

Примечательно, что уже во время судебных разбирательств, происходивших в 1417 году между Польским королевством, а также Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом на Констанцком соборе (1414–1418), крестоносцы обвинили противную сторону в том, что они пользовались услугами «неверных» в войне против христиан, однако даже не упомянули о каких-либо случаях жестокости или святотатствах, допущенных татарами в этих конфликтах. Кроме того, польско-литовской стороне вменялась в вину недостаточная забота о распространении христианства в своих владениях. Двенадцатый пункт обвинений Тевтонского ордена против польского короля Владислава II Ягайло и великого князя литовского Витовта гласил: «Король с князем Витовтом должен обращать неверных в христианскую веру и для усиления почитания Бога на землях своих возводить церкви, священников в них назначая, и искоренять заблуждения язычества»¹³.

В ответ на обвинения со стороны крестоносцев польские юристы, наоборот, апеллировали к тому, что рыцари Ордена воюют с беззащитными людьми, хоть и язычниками, не ради распространения христианства, но ради личной наживы, при этом проявляя исключительную жестокость. Так, в двадцатой статье ответа польской стороны крестоносцам особо подчеркивалось, что они «берут здесь в неволю оружием и детей, и малых, и тех, кто, возможно, за все время своей жизни вообще не видел никакого оружия, и, вероятно, так же захватывают добычу у тех, кого они убивают жесточайшим образом». Поэтому обвинения со стороны крестоносцев в том, что «христиане пользующиеся поддержкой неверных, как оружием, так и при помощи принятия неверных к себе на службу, в любом случае хуже язычников», необоснованны, и «обвинение короля в том, что он лично оружием служит неверным, никогда не будет достойным веры»¹⁴.

Эхо судебного процесса между крестоносцами и польско-литовской стороной докатилось до Англии, где в бенедиктинском аббатстве Сент Олбан, в хронике, доведенной до 1420 года Томасом Вальсингхемом, появилось сообщение, в котором можно проследить откровенную симпатию к Владиславу II Ягайло и осуждение рыцарей Тевтонского ордена за недостойное христиан поведение¹⁵. Впоследствии Томас Вальсингхем практически дословно повторил данное сообщение еще в двух работах – «Памятники Нормандии»¹⁶ и «Английская история»¹⁷.

Поход армии Польши и Великого княжества Литовского вызвал достаточно значительный резонанс в европейском общественном сознании того времени, что нашло отражение в целом ряде европейских хроник XV столетия, которые содержат на своих страницах описание либо кампании 1410 года, либо ее центрального события – Грюнвальдской битвы. Сообщения эти существенно различаются как по объему, так и по своей информативности. Некоторые из них сводятся к простой констатации произошедшего факта, в некоторых описаны те или иные подробности противостояния союзных войск и армии Ордена – порой достаточно любопытные, в некоторых помещены дошедшие до авторов слухи о данных событиях, что представляет для нас особый интерес с точки зрения исследования межкультурной коммуникации в средневековой Европе.

Однако следует заметить, что участие татар в войне с Тевтонским орденом упоминается далеко не во всех реляциях западноевропейских хронистов. Те же летописи, в которых упоминание присутствует о татарах, свидетельствуют о неоднозначном и, можно сказать, довольно мозаичном представлении о них и вообще о восточных народах у западноевропейских хронистов и, вероятно, в целом в Западной Европе.

¹¹ «circa vesperam civitatem praedictam tantum communi populo et non militiae suae expugnare mandavit». Cronica conflictus Wladislaï regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410 // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. В. 3. – S. 434.

¹² Гагуа, Р.Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». – Пинск, 2009. – С. 42.

¹³ «Rex et dux Vitowdus incredulos sibi inducer debent ad sumendam fidem christianam et in terriis sibi subiectis pro diuini cultus augmento ecclesias edificare et sacerdotes in eis locare et errorespaganicos extirpare». Lites ac res gestae inter polonos ordinemque cruciferorum. Т. III. – Posnania, 1856. – P. 163.

¹⁴ «christiani iuuantes infidels ac eis arma et subsidia ministrantes sua infidelitate conuincuntur deteriores quibuslibet paganis», «causatis de Rege quod ipse arma dedit infidelibus quod untique nunquam fuit verum». Lites ac res gestae inter polonos ordinemque cruciferorum. Т. III. – Posnania, 1856. – P. 184.

¹⁵ Walsingham Thomas. The St. Albans Chronicle 1406–1420. – Oxford, 1937. – S. 58.

¹⁶ Szumska U. Anglia a Polska w epoce Humanizmu i Reformacji. – Lwów, 1938. – S. 12–13.

¹⁷ Thomæ Walsingham, quondam monachi S. Albani, Historia anglicana. – London, 1864. Т. II. – P. 284.

Если для Николая Блоньского из Мазовии татары являются всего лишь одним из «народов Витовта», наряду с литовцами и русскими¹⁸, то уже в «Каталоге саганских аббатов», написанном на территории Нижней Силезии, находим четкое разделение между поляками христианами и «неверными татарами», к которым приравниваются литовцы, русские и «другие восточные народы»¹⁹.

Соответственно в гамбургском манускрипте с продолжением любекской хроники Детмара помещено совершенно фантастическое сообщение, согласно которому в 1410 году союзниками «королей Кракова и Литвы являлись сарацины, турки, персы, мидийцы», а также «язычники из Дамаска и с Каспия». При этом Владислав II Ягайло имел 1700000 человек, Витовт – 2800000, «император татар» – 1500000 и, кроме того, «король Новгорода» стоял во главе большого числа людей²⁰. Данные сведения выглядели настолько неправдоподобными, что даже в Любеке не принимали их на веру. Еще две местные летописи – Хроника Германа Корнера и так называемая Хроника Руфуса – ограничились при описании конфликта лишь краткими упоминаниями, согласно которым король Польши вторгся в Пруссию с армией, в которую входили татары и литовцы, где в битве одержал победу над немецкими рыцарями²¹.

Еще менее осведомленными выглядят хронисты во Франции, называя татар то турками, то сарацинами, то вообще сарматами. Во французской хронике из Сан-Дени содержатся сведения о поражении христиан в битве с «турками». Согласно этой записке христианский король Кракова вследствие просьб своего брата, «короля сарацинского», распорядился послать в Пруссию транспорт с зерном, со спрятанными под ним панцирями и военными приспособлениями, откуда триста мужей получили оружие. После того, как об этом узнали крестоносцы, которые посчитали, что военная помощь «сарацинам» от христиан не может быть допущена, задержали этот транспорт и разделили груз по своему усмотрению, что стало причиной «смертельного конфликта»²².

Другой французский (точнее бургундский) летописец Ангерран де Монстреле в своей хронике писал: «16 июля 1410 года гроссмейстер Пруссии в сопровождении многочисленных рыцарей, братьев и других воинов разных наций общей численностью до 300 тысяч христиан, вторгся в Литву с целью разгрома. Тотчас же ему на встречу пошел король этого государства вместе с королем сарматов – всего около 400 тысяч сарацин, и дали друг другу бой. Христиане одержали победу, и около 36 тысяч сарацин было убито. Главнейшими из убитых были адмирал литовцев и коннетабль сарматов. Другие, оставшиеся в живых, бежали. Христиане оставили на поле сражения около 200 человек, но кроме этого они имели много раненых. Вскоре после того польский король, который являлся большим врагом великого магистра Пруссии и недавно притворно принял христианство с целью добиться польской короны, явился со своими поляками на помощь названному сарацинам и стал увещевать их снова начать войну против Пруссии; и вот через 8 дней после этого поражения армии выстроились одна против другой, а именно польский король и два названных короля с одной стороны примерно с 600 тысячами воинов против гроссмейстера Пруссии и многих других крупных христианских сюзеренов, которые и были разбиты сарацинами»²³.

¹⁸ Aus Nicolaus von Blonie // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 440.

¹⁹ Aus dem Catalogus abbatum Saganensium // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 432.

²⁰ Aus der Fortsetzung von Detmars Lübischer Chronik in der Hamburger Handschrift // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 405.

²¹ Grabski, F. Echa bitwy grunwaldzkiej w historiografii zachodnioeuropejskiej / *Zapiski historyczne*. – Poznań, 1967. T. 32, Z. 1. – S. 12.

²² Aus Chronique du religieux Saint-Denis // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 453.

²³ «Le XVIe jour de juing de cest an mil CCCC et X le grant maistre de Pruce, acompaigne de plusieurs ses chevaliers freres et autres de diverses nacionals, junsques au nombre de trois cens mille chrestiens, descendirent ou royaume de Lictuaire pour le destruire et depopuler. Au devant desquelz vint tantos a l'encontre le roy d'icellui royaume, et avecques lui le roy de Sarmac; et estoien bien quatre cens mille Sarrasins. Si s'assemblerent l'un contre l'autre a bataille, et eulx assemblez, les diz chrestiens eurent la victoire. Et y demourerent bien vingt-six mille mors des diz Sarrasins, entre lesquels furent les principaulx l'admiral de Lictuaire et le connestable de Sarmach. Et les autres princes et parens, avecques le remenant, s'en fuirent. Et des chrestiens n'en demoura mors sur la place que environ deux cens homes, mais il y en eut moult de navrez. El assez tost apres le roy de Poulane, qui estoil grant ennemy au grant maistre de Pruce, lequel roy s'estoit naqueres fait faintement chrestien pour parvenir a ce royaume, vint avec ses Poulinois en l'aide des diz Sarrasins, ausquelz il exhorta moult de recommencer la guerre a l'encontre des Pruciens, et tant que, huit jours après la dicte desconfiture se rassemblerent l'un contre l'autre, c'est assavoir le dit roy de Poulane et les deux roys dessus nommez d'une part, qui bien avoient six cens mille combatans, contre le dit maistre de Pruce et plusieurs autres grans seigneurs

Следует отметить, что с течением времени информированность о произошедших событиях в Западной Европе росла. Данное обстоятельство хорошо прослеживается на примере записей баварского летописца Андрея Регенсбургского.

Первоначально, в двух различных списках своей хроники, он поместил два небольших сообщения о «Великой войне» 1410–1411 годов. В первом списке читаем, что в День рассеяния апостолов произошла битва с королем Польши и его братом-язычником Витовтом, в которой было разгромлено христианское войско, насчитывавшее 159000 человек. После язычники «враждебным мечом» достигли Мальборка, но не смогли его захватить. Второй список содержит сведения, согласно которым в битве язычники победили христиан, благодаря десятикратному численному превосходству. При этом христиане потеряли 80000 убитых, а их противники «бесчисленное множество»²⁴.

Впоследствии анонимный баварский летописец, используя хронику Андрея из Регенсбурга, в «Короткой хронике событий своего времени, случившихся с 1396 по 1418 год» объединил оба варианта и дополнил их новыми сведениями. В результате получилась следующая реляция: *«Также в год 1410 крестоносцы Дома Немецкого в день рассеяния апостолов выступили войной против короля Польши и его братом-язычником Витовтом, и пало более 80000 со стороны крестоносцев, и многие со стороны упомянутого короля были убиты на поле у города Остероде; и крестоносцы, упустив победу, пали. Король лично с бесчисленным множеством язычников, то есть татар, самаритян, литовцев, а также евреев почти всю Пруссию опустошил. И некий крестоносец де Плауен с братом своим – из светских – де Плауеном и небесными своими покровителями удержал замок Мариенбург и казну крестоносцев. В упомянутой войне убиты были великий магистр и верховный маршал и многие первейшие комтуры крестоносцев; и пленены были язычниками князь Щетинский и многочисленные графы и бароны, рыцари и воины. Говорили, что число язычников и людей короля Польши было около двенадцати с половиной тысяч, которые победили в упомянутой войне, а точнее битве. Среди них находилось около семи или восьми, а может быть, даже девять князей и королей. В конце концов, заключив мир, крестоносцы возвратили всю свою землю, а великий магистр де Плауен всей мощью своей руки опустошал постоянно побережье упомянутого Витовта, князя языческого вышеуказанной земли. Эта же самая история, по другим словам: в тот же год в месяце июле господа Дома Немецкого в Пруссии с язычниками сошлись в сражении и трижды их побеждали. Но в четвертый раз победу одержали скрывающиеся до этого среди вод многочисленные татары, которые пришли и перебили – эх! – всю армию христиан, как говорят, сто тысяч и пятьдесят девять тысяч сражавшихся»²⁵.*

Данное свидетельство представляет для нас особый интерес, поскольку прямо указывает, что армия Тевтонского ордена потерпела поражение из-за того, что попала в засаду, устроенную татарскими воинами из армии великого князя литовского Витовта.

cbrestiens, lesquelz par les diz Sarrasins furent desconfis: et en de mors en la place soixante mille ou plus». Aus Chronique d'Enguerran de Monstrelet // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 455.

²⁴ Grabski F. Echa bitwy grunwaldzkiej w historiografii zachodnioeuropejskiej // Zapiski historyczne. – Poznań, 1967. T. 32. Z. 1. – S. 13.

²⁵ *«Item anno 1410 cruciferi de domo Teutonicorum in die divisionis apostolorum inierunt bellum cum rege Poloniae et Bytoldo fratre eius pagano, et succubuerunt plus quam LXXX millia in parte cruciferorum et multi etiam in parte regis praedicti prostrati fuerunt in campo civitatis Gostorode; et cruciferi victoriam amiserunt prostrati, et ipse rex quasi cum innumerabili multitudine paganorum, scilicet Tartarorum, Samaritanorum, Litoviensium et etiam Judaeorum quasi totam Prusiam devicit. Et quidam crucifer de Plaam cum fratre suo laico de Plaam caelerisque suis coadjutoribus obtinuit castrum Marieburgk et thesauros cruciferorum ibidem. Et in dicto bello interempti fuerunt magister generalis supremusque marschalcus et multi praecipui commendatores cruciferorum; et delentus fuit per paganos dux Stetinensis, et plures comites et barones, milites et militares; et dicitur, quod fuerunt de numero paganorum et regis Poloniae bene XII. C millia, qui dictum bellum seu praelium perfecerunt, inter quos, ut dicitur, fuerunt bene VII vel VIII vel IX quasi principes et reges; et finaliter introducta pece cruciferi rehabuerunt totam terram suam, et magister generalis de Newfen durante lite praedicta Witoldo duci pagano praedictam terram suam manu valida maxime devastavit. Eadem historia sub aliis verbis: Eodem anno mense julii domini de domo Teutonicorum in Prusia cum paganis habuerunt praelium et tribus vicibus triumphaverant; quarta vice venit multitudo Tartarorum latenter per aquas et prostraverunt heu! Exercitum totum christianorum, ut dicitur, centum millia et quinquaginta novem millia pugnatorum». Aus eines Anonymi Bavari // Scriptorum rerum Prussicarum. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 418.*

Наконец, тот же самый Андрей Регенбургский в письме к Николаю из Динкельсбурга, датированном 29 июля 1427 года, приводит уже уточненные – в сравнении с его предыдущими сообщениями – сведения о конфликте 1410 года, в которых великий князь Витовт выступает уже не язычником, но христианским неофитом²⁶.

Конечно, относительно участия татар в Грюнвальдской битве и прусской кампании 1410 года гораздо более конкретные и подробные сведения содержат те хроники, которые создавались на землях, непосредственно связанных с описываемыми событиями. Так, ряд любопытных деталей относительно участия татар в Грюнвальдском сражении приводится в анонимной компиляции произведения Энеа Сильвио Пикколомини «О Ливонии», получившей известность как «Чигизский манускрипт». Данная компиляция была создана анонимом, непосредственно побывавшим в Кракове, который, вероятно, получил дополнительную информацию от непосредственных участников кампании 1410 года. В описании битвы под Грюнвальдом этот список является самым подробным и в значительной мере отличается по содержанию от других известных вариантов труда «О Ливонии»²⁷.

В «Чигизском манускрипте» читаем следующее: *«Собрались ...господа крестоносцы против короля Польши Владислава, который поддержку против самих братьев оказывал [князю Витовту], захватили и опустошили землю Куявскую, а также совершали набеги, опустошая огнем и мечом польское пограничье. Владислав, видя, что змей извивающихся вырастил, в гневе возобновил войну против крестоносцев, которые на его земли набеги делали, собрав у себя литовцев, русских и татар в большом числе. Напротив, немецкие братья из всей Германии мужей себе собрали, которых им на помощь вся Германия, издавна преисполненная ненависти к полякам, прислала около пятнадцати тысяч всадников, не считая своих. И сошлись, таким образом, обе армии в поле, называемом Фрогенау, расположившись в двадцати стадиях²⁸ друг от друга в День Рассеяния Апостолов, который в 15 [день] месяца июля празднуется, сблизившись там, в год от рождества Господня 1410. И увлажнилось поэтому небо, мглой в тот день покрывшись, и небольшой дождь оросил сражение. Владислав татар и литовцев на острие расположил, первыми в бой идти приказал, с тяжеловооруженными поляками сам как бы во вспомогательном резерве возле лагеря остался. Напротив, прусский магистр, помощь на потом оставив, цвет рыцарства Ордена своего выставил во главе армии. Сойдясь в битве, поэтому безоружные татары и литовцы понесли тяжелые потери, давили (крестоносцев) однако численностью, а не опорой на плечи поляков. В жестокой же битве пало трупов сверх меры, и стало видно, что пруссы не так быстро раны наносят как сами от татар или литовцев получают. Тянулся около часа бой, когда самые славные пали с обеих сторон, литовцы, русские и татары как животные в жертву приносились. Магистр прусский тогда по обычаю беспокойного времени к королю Польши в лагерь послал герольда со своими письмами формального содержания и двумя окровавленными мечами, требуя, чтобы король не уклонялся от сражения, словно павший духом, но принял тут же участие в битве, и эти мечи, собственной кровью обагренные, принял в дар и также себя со всеми остальными защитил. Когда король в шатре по обычаю был на богослужении, конца мессы дожидаясь, пришел Витовт, брат его, укоряя короля за его нрав, и в том, что отправить все войска на помощь не желает. Король, Божьей себя предоставив защите, пролил слезы и, вскочив на своего коня, тотчас же в битву вступил силой оружия несгибаемого. Произошла тогда неожиданная перемена: сражение возобновилось снова. Павшие духом немцы, ранее понесшие столь большие потери и уже с трудом поднимавшие оружие, снова вынуждены были поднять оружие. Они повсюду храбро приняли смерть от руки разгневанных и жадных до крови противников – поляков, выступивших против них. Не проявился у немцев новый прилив мужества, поэтому, оказавшись в невыгодном положении, уступили. С мольбами непрерывными началось бегство со стороны крестоносцев. Хотя наседали поляки повсюду, и зашли в тыл, прежде чем обратиться в бегство, преследуемые поляками, крестоносцы отступали. Магистр Ордена, когда увидел, что его люди подвергаются резне, и уже нет более надежды на подкрепления, собрал рукой (твердой) братьев и рыцарство, [и] без подкреплений выступил против врагов, однако не против христиан, но про-*

²⁶ Grabski F. Echa bitwy grunwaldzkiej w historiografii zachodnioeuropejskiej // Zapiski historyczne. – Poznań, 1967. Т. 32. З. 1. – С. 14–15.

²⁷ Анализ смотри: Гагуа Р.Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». – Пинск, 2009. – С. 63–70.

²⁸ 20 стадиев равняется примерно 3,5 километра.

тив неверных, и таким образом с неверными в яростном сражении обрел смерть, поскольку были они в нем обречены на смерть»²⁹.

Из представленного описания видно, что татары сыграли в сражении при Грюнвальде важную тактическую роль, фактически приняв на себя вместе с другими отрядами Витовта не только первый удар, но и сдерживая, несмотря на огромные потери, основной натиск войск Тевтонского ордена.

Таким образом, представляется вполне очевидным, что западноевропейские хроники выступают как ценный источник не только для выяснения различных аспектов участия татар в прусской кампании 1410 года против Тевтонского ордена, но и проливают свет на историю межцивилизационной коммуникации в эпоху позднего средневековья. Фактически мы видим, что еще в первой половине XV столетия население Западной Европы представляло собой достаточно замкнутую культурную общность с довольно неясными, а порой откровенно фантастическими представлениями об азиатских культурно-цивилизационных конгломератах.

Ментальность европейцев во времена позднего средневековья во многом продолжала определяться четким делением всего мира на христианский и нехристианский. В связи с этим ясное представление о различиях между язычниками и «неверными», то есть мусульманами, имелось только на территориях, входивших в область межкультурного пограничья. К таким территориям в первой половине XV столетия следует отнести земли Великого княжества Литовского, Польского королевства, Тевтонского ордена и Чехии. В хрониках, которые были написаны в этих государствах, прослеживается четкая этническая и религиозная идентификация татар. Этого нельзя сказать о европейских странах, расположенных далее к западу. Во Франции, Англии, Скандинавии, а также на значительной части Германии татары часто ассоциировались с турками или «сарацинами». Практически всегда они представлялись западноевропейскими хронистами в одном ряду с персами, евреями и даже с уже несуществующими в то время мидийцами и самаритянами.

В то же время необходимо сказать, что только европейские хроники содержат известия об участии татар в антиорденской военной кампании 1410 года. Такие из них, как продолжение хроники Яна фон Поссильге, чигизский манускрипт, продолжение любекской хроники Детмара, «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410», «Исто-

²⁹ «*Commoti ...domini cruciferi contra regem Polonie Vladislaum, qui fratri contra ipsos supplicias dederat, ceperunt terram Cuiaviensem devastare atque in Poloniam incursiones faceré vastantes Polonorum fines per ignem et gladium. Vladislaus videns serpentes in sinu nutritos debacchari prelium contra cruciferos terre sue invasores instaurat, ascitis sibi Lytwanis, Rutenis atque Tartarorum magna multitudine. Econtra Theutonici fratres ex tota Germania vires sibi consciverant, quibus prope XL milia equitum preter suos in adiutorium tota Germania prius perosa Polonos miserat. Venientes itaque uterque exercitus ad XX stadia in campo qui dicitur Fride-naw consedit. Aderat dies divisionis apostolorum, qui 15. mensis Julii celebratur, agebaturque tunc annus ab incarnatione Domini 1410. A mane itaque illius diei nebulis celum tegentibus ac paucis imbribus irrorantibus ceptum est prelium. Vladislaus Tártaros et Litwanos in acie posuerat, quos primum certamen inire iussit; cum gravi armatura Polonorum ipse quasi in subsidiaria ope circa castra sua remansit. Contra Prutenorum magister auxilia in postremis locavit, florentem ordinis sui militiam in exercitus fronte ponens. Commisso prelio inermes quidem Tartari et Lytwani magna strage cesi sunt; urgebat tamen multitudo nec terga daré sinebat Polonorum exercitus. Atrox igitur pugna super cadavera occisorum edebatur, nec tantum vulnerabat Prutenus alacer quantum excipere vulnus Tartarus ipse vel Lytwanus videbatur. Protractum est ad aliquot horas certamen, peracta ingens occisio, parte ex utraque Lytwani, Ruteni Tartarique tanquam pecudes mactabantur. Magister Prutenorum more impaeiens caduceatorem regí Polonie in castris suis tunc missarum solempnia audienti cum duobus cruentatis gladiis misit eidem insinuans, ut bellum non detrectaret sed potius cernerét suos iam defecisse et ipsos gladios in suorum strage cruéntatos acciperet atque se ipsum cum reliqua multitudine defensaret. Interim rege in tentorio moram agente finem misse exspectando, venit frater suus Vitoldus increpans moras regis, eo quod omnes auxiliarii exercitus iam defecissent. Rex Deo se commendans lacrimas fudit atque sic equum suum conscendit ac Polonorum aciem validam ferro rigentem contra Prutenos emittit. Fit súbita mulacio: instauratum est de novo prelium. Defessi Theutones prius tanta cede peracta ferrum versare vix poterant remissiusque pugnant. E diverso Poloni ex pausacione álacres et furibundi adversarios passim audacter sternebant. Non tulere Theutones recentis agminis impetum, ideo retrocedentes vacillabant. Oritur mox turpis fuga ex parte fratrum cruciferorum: sed feriebant ubique terga Poloni; nec prius Alemani fugere quam Poloni persequi desistebant. Magister ordinis ubi suos cederé videt, nec iam ullam in auxiliis spem esse animadvertit, collecta suorum fratrum atque militum manu hostibus se sponte obiecit non christiauis sed infidelibus, ut sic potius contra infideles dimicans periret. si mori undurn utique esset».* Гагуа Р.Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410. – Пинск, 2009. – С. 186–188.

рия Польши» Яна Длугоша и ряд других, предоставляют нам богатый материал для определения той роли, которую сыграли татары в одном из эпохальных событий средневековой европейской истории.

Гагуа Р.Б. Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии // *Беларуская думка*. – 2010. – № 8. – С. 58–67.

Гагуа Р.Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». – Пинск, 2009. – 208 с.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. – М.; Л., 1962. – 216 с.

Мартынюк А.В. Актуальные проблемы изучения истории Золотой Орды // *Российские и славянские исследования*. – Минск, 2007. – С. 148–151.

Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 1. – Leipzig, 1878. – 814 s.

Aus Chronique d'Enguerran de Monstrelet // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 455–458.

Aus Chronique du religieux Saint-Denis // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 453–454.

Aus dem Catalogus abbatum Saganensium // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 431–434.

Aus der Fortsetzung von Detmars Lübischer Chronik in der Hamburger Handschrift // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 405.

Aus eines Anonymi Bavari // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 418.

Aus Nicolaus von Blonie // *Scriptores rerum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 439–442.

Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruceferis anno Christi 1410 // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 434–439.

Franciscani Thorunensis Annales Prussici (941–1410) // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 57–316.

Grabski, F. Echa bitwy grunwaldzkiej w historiografii zachodnioeuropejskiej // *Zapiski historyczne*. – Poznań, 1967. T. 32, Z. 1. – S. 7–48.

Johann's von Posilge officials von Pomesanien, Chronic des landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) // *Scriptores rerum Prussicarum*. – Leipzig, 1866. B. 3. – S. 79–388.

Lites ac res gestae inter polonos ordinemque cruciferorum. T. III. – Posnania, 1856. – 200 s.

Szumski U. Anglia a Polska w epoce Humanizmu i Reformacji. – Lwów, 1938. 200 s.

Thomæ Walsingham, quondam monachi S. Albani, Historia anglicana / ed. H.T. Riley. – London, 1864. T. II. – 589 p.

Walsingham Thomas. The St. Albans Chronicle 1406 – 1420 / ed. V. H. Galbraith. – Oxford, 1937. – S. 58.

ABSTRACT

Ruslan B. Gagau

The Tatar's participation in Prussian Company of united armies of the Poland and the Great Duchy of Lithuania in 1410 in evidences of West European's chronicles

The present article is devoted to short review of West European's evidences about Tatar's participation in Great War in 1409–1411, which the Kingdom of Poland and the Great Duchy of Lithuania began against the Teutonic Order. The most interesting of sources' messages was translated from languages of originals to Russian. The author made the concluded, that West European's chronicles are valuable sources not only for clarification of different aspects of Tatar's participation in the Prussian Company in 1410, but for clarification of communication between Civilizations in time of late Middle Ages.